Современный любовный роман

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Любовница магната

Натализа Кофф

Натализа Кофф

Любовница магната

«Автор»
2026

Кофф Н.

Любовница магната / Н. Кофф — «Автор», 2026

— Не подходи ко мне! Чтобы ноги твоей здесь не было!— Напомнить, чей это дом?— Да пошел ты!— Сама пошла!— Кретин старый!— Избалованная сопливая девчонка!***Платон Пахомов — влиятельный и успешный бизнесмен. Он получает любую по щелчку пальцев. Но хочет ту, которая недосягаема для него. Вера — избалованная дочка богатого папы, друг отца для нее — старик и зануда. Но все меняется в одночасье. И теперь Вера сходит с ума по тому, кто недосягаем для нее.*** В тексте нас ждут: Властный герой с жестким характером - 1 шт. Вредная героиня - 1 шт. Страсть, противостояние, борьба характеров, капля юмора и ХЭ.

© Кофф Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Любовница Магната 5
ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 3 18
ГЛАВА 4 24
ГЛАВА 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Натализа Кофф
Любовница магната

Любовница Магната

Аннотация:
— Не подходи ко мне! Никогда!
— Не больно и хотелось!
— Чтобы ноги твоей здесь не было!
— Напомнить, чей это дом?
— Да пошел ты!
— Сама пошла!
— Кретин старый!
— Избалованная сопливая девчонка!
***

Платон Пахомов — влиятельный и успешный бизнесмен. Он получает любую по щелчку пальцев. Но хочет ту, которая недосягаема для него.

Вера — избалованная дочка богатого папы, друг отца для нее — старик и зануда. Но все меняется в одночасье. И теперь Вера сходит с ума по тому, кто недосягаем для нее.***

В тексте нас ждут: Властный герой с жестким характером - 1 шт. Вредная героиня - 1 шт. Страсть, противостояние, борьба характеров, капля юмора и ХЭ.

ГЛАВА 1

— Здравствуй, Платоша.

— Какими судьбами, Степан Мирославович? — Пахомов рад видеть друга, однако приезд Шустера слегка настораживает. О встрече договоренности не было. Значит, не деловой визит. А если не деловой, то разговор Платону не понравится. Факт.

— Я что, не могу без повода друга навестить? — посмеивается Шустер.

— Мы с тобой, Степан Мирославович, слишком давно знакомы, — усмехается Пахомов и приглашает гостя присесть.

Платон подмечает, что Шустер сильно сдал за последние месяцы. Оно и понятно, состояние здоровья не радует.

— Давай-ка пройдемся, — качает головой гость, — засиделся я в кабинете.

Пахомов согласно кивает. Владения в загородном доме просторные. Да и охрана не зря трудится. Так что, можно спокойно разгуливать. К тому же Платон чувствует, что свидетелей у разговора с Шустером быть не должно. А в доме камеры на каждом шагу.

— Вера приезжает послезавтра, — вздохнув, говорит Степан Мирославович. — Клара соизволила отпустить дочь ко мне.

— Прекрасная новость, разве нет? — негромко замечает Пахомов.

— Угу, — усмехается друг, — Вера решила вернуться к своим русским корням. На самом деле, решила поиграть во взрослую жизнь. Какой-то у нее там старт-ап. Просит денег.

— А ты не хочешь поддержать? Вдруг стоящий проект, — с сомнением говорит Пахомов.

— Поддержу, конечно, — соглашается Шустер, — просто Кларка совсем дочь избаловала. Думаю, как исправить. Не нравится мне ее круг общения, интересы эти новомодные. Один шаг от наркоты. Не дело это, понимаешь?

— Да, молодежь нынче дурная, — подмечает Платон.

— Вот хорошо, что в этом мы мыслим одинаково, — улыбается Шустер, — так я чего решил, Платоша. Хватка у меня уже не та. Да и жалко мне мою дуреху станет. Сдамся. А ей нужна твердая рука. А я что? Сам знаешь, то анализы, то процедуры.

— Завязывай, Степан Мирославович! — хмурится Пахомов.

— Я же прав, Платоша, — горько усмехается Шустер, — с моим диагнозом долго не живут. Я итак рад, что дочь взрослую увидел.

— Мне не нравится, куда ты клонишь, — останавливается Пахомов посреди тропинки, ведущей к искусственному пруду.

— Верка у меня молодая, горячая, к тому же красавица, — продолжает Шустер, — и наследница всего моего состояния. А если ей какой прохвост попадется? Облапошит ее, дуру наивную.

— Завещание составь, — подсказывает Платон.

— Давно уже все готово. И фонд имеется. Часть денег достанется Веркиным детям. Но если разобраться, то все равно будет чем поживиться мошенникам, — жалуется Степан Мирославович. — Потому я и прошу тебя, Платоша, помоги. Как я тебе когда-то.

Пахомов поджимает губы. В одном друг прав, именно он поддержал бизнес Пахомова, когда был кризис и все деловые партнеры отвернулись. Благодаря Шустеру холдинг Пахомова процветает сейчас. Можно сказать, Платон ему обязан всем.

— Не вопрос, Степан Мирославович, — соглашается Пахомов, — буду контролировать.

— Ты ж о Верке говоришь, там одного контроля со стороны мало, — негромко смеется Шустер, — будет лучше, если она с тобой поживет. По крайней мере, пока у меня процедуры закончатся, ну и так, оклемаюсь немного.

Платон с трудом сдерживается, чтобы сразу отказать. Не хватало ему видеть Веру каждый день. Его вполне устроили бы отчеты от охраны и редкие встречи, раз или два в месяц.

Пахомов тянет с ответом. Нет, лучше сразу отказать. Или, в крайнем случае, подыскать другой выход. Но поселить Веру здесь, где живет и сам Платон, верх идиотизма!

— Мне нужна полная свобода действий, — Пахомов и сам удивляется своей фразе, — без фанатизма, конечно, но если твоя дочь будет провоцировать меня, то учти, отлуплю ее ремнем.

— Ну хоть кто-то ведь должен заняться ее перевоспитанием, — пожимает плечом Шустер. — Тогда могу спокойно ложиться на обследование?

— Все верно, — искренне улыбается Пахомов.

— Номер рейса пришлю. Сам встречать поедешь?

— Веру? Нет, парни встретят, — качает головой Пахомов.

Платон умалчивает о том, что может не сдержаться и придушить Верку прямо в аэропорту. А так девчонка хоть до дома доедет спокойно.

— Вот и договорились, — жмет руку Шустер. — Мне пора на встречу с профессором.

— Если что-то нужно, Степан Мирославович, — заговаривает Пахомов.

— Я свою просьбу озвучил, — прерывает друга Шустер, — на тебя вся надежда, Платоша.

Пахомов провожает гостя до машины. Наблюдает, как автомобиль Шустера вместе с машиной сопровождения покидает территорию особняка.

После Платон возвращается в свой кабинет и тяжело опускается в свое рабочее кресло.

Закрыв глаза, минуту размышляет, как он умудрился влипнуть в такую задницу.

Вздыхает. Протягивает руку к графину с крепким дорогим виски. Но вместо прохладного стекла в его руке оказывается рамка с фотографией.

Поставив ее на стол прямо перед собой, Пахомов откидывается на спинку кресла.

С фото на Платона смотрит улыбающаяся девушка. Такая же красивая, насколько и вредная. Острая на язык. И вообще, не девчонка, а катастрофа.

Личная катастрофа Пахомова.

Платон, плеснув в пустой стакан крепкий напиток, салютует девушке со снимка. Карие глаза искрятся смехом, но это потому, что смотрит девчонка не на Пахомова. А так, да, мужчина прекрасно помнит каждую их с Верой встречу. Помнит ее пренебрежительный взгляд. Каждую колючую и злую фразу помнит.

Но хуже всего другое. Его реакция на нее. И то, насколько тщательно ему приходится подбирать слова, контролировать каждый жест, каждый вдох в ее присутствии.

***

В последний раз Вера была здесь пять лет назад, когда родители разводились. Тогда, по обоюдному решению взрослых, пятнадцатилетняя Вера Шустер переехала вместе с мамой. Сейчас, уже по собственному желанию, Вера возвращается к отцу.

Эмоций много, на самом деле. У Веры уже имеется целый план, плотный график встреч с подругами и друзьями, с давними знакомыми, с которыми Вера поддерживает связь до сих пор. И все у Веры Шустер просто прекрасно. Ужасная лишь погода.

Родина встретила Верочку шквальным ветром и ливнем. Самолет еле приземлился. У Веры до сих пор немного дрожит все, что могло дрожать от страха. Но теперь все позади.

После прохождения регистрации Вера выходит в общий зал. Людей, присланных отцом, девушка не видит. Зато на глаза попадается табличка с ее именем и фамилией. Встречающие парни, похожие друг на друга точно близнецы, смотрят на нее с интересом.

— А никого веселее папенька прислать не смог? — интересуется Вера, приблизившись к бритоголовым амбалам в черных пиджаках, галстуках-удавках и с выражением лиц, будто у парней мозг частично заменен на бицепсы.

— Добрый день, это весь ваш багаж? — пропустив мимо ушей замечание, спрашивает парень.

— Остальное доставят голубями, — усмехается Вера.

Второй, молчаливый охранник, перехватывает чемодан Веры.

— Прошу следовать за нами, — кивает говорливый амбал.

Вера послушно идет за парнями. У «болтуна» очень кстати оказывается с собой большой зонт, который на улице раскрывается прямо над головой Шустер.

Девушка сбивается с шага. Не успевает за сопровождающими. Впрочем, Вера этому даже рада. Порыв ветра вместе с дождем окатывает Шустер с головы до ног. Тонкий пиджак не укрывает от непогоды, а легкий топ и вовсе мгновенно промокает. А Вера, будто дурочка, улыбается.

Да, душная Европа порядком поднадоела. И сейчас родной климат, в котором родилась и выросла Верочка, очень радует, дарит прохладу.

— Переодеться не желаете? — тактично интересуется охранник, когда Вера занимает задний диван в автомобиле представительского класса.

— С учетом пробок сколько будет ехать? — уточняет Вера.

— В центр заезжать не будем. Велено сразу же в особняк. Так что, за полчаса успеем, — отчитывается водитель.

— Тогда едем, — решает Вера.

Признаться, девушке совсем не хочется ковыряться в чемодане в салоне авто, уже хочется разобрать все вещи и сложить сразу в шкаф.

По пути Вера сразу же звонит маме, рассказывает о том, как долетела, что ее встретили люди отца, а еще списывается с подружками. Рассылает сообщения о том, что Вера Шустер уже в городе. Договаривается о встрече уже назавтра. Так и быть, а сегодня Вера проведет в компании любимого папочки.

Спустя полчаса, как и обещали амбалы, автомобиль пересекает шлагбаум и пункт охраны. С интересом Вера разглядывает территорию и дорогу, ведущую к двухэтажному особняку. Девушка не помнит, чтобы отцовский дом выглядел вот так, роскошно и пафосно. Несмотря на свои капиталы и приличное состояние, Степан Мирославович не разбрасывается деньгами. Значит, либо папенька пересмотрел свои взгляды на жизнь, либо…

Ветер стих, а вот дождь никак не успокаивался. Потому Вера дождалась, пока охранник откроет для нее дверь и придержит зонт.

Последние пять метров Вера преодолевает, скрестив руки на груди. А три ступени, ведущие к входной двери, практически перепрыгивает.

И останавливается в двух шагах от мужчины, вышедшему навстречу.

И это не отец. Если только Степан Шустер не помолодел лет на тридцать, не сделал пластику лица, не вырос на две головы и не сменил имя на Пахомова Платона.

— Где отец? — без приветствия роняет Вера.

— Здравствуй, Вера, — ухмылка на лице Пахомова начинает бесить Веру, — как долетела?

— Прекрасно! Попутный шквальный ветер с дождем. Крылья самолета с трудом удержались на месте, — язвительно отвечает Вера. — Где папа?

— Войдем в дом, Вера, — Пахомов распахивает двери для гостьи.

— Ну вот, мы в доме, — сделав несколько шагов вглубь холла, Вера останавливается и разворачивается к Платону. — Где отец? Почему меня привезли сюда? Что вообще происходит?!

— Не хочешь переодеться? Пообедать? Перелет был долгим, — игнорирует ее вопросы мужчина.

— Ты меня не слышишь? Ты перестал понимать русский язык?

— Твоя комната на втором этаже. Третья дверь слева, — ровным голосом произносит Пахомов.

— Где. Мой. Отец! — повышает голос Вера.

— Он в клинике, на обследовании, дальше начнется лечение. И пока он там, ты под моим присмотром, — не терпящим возражений тоном отрезает Пахомов.

— Хренушки! Я живу у себя. Или лучше вернусь домой, — усмехается Шустер.

— Твой дом теперь здесь, — ведет плечом мужчина. — Поднимайся в свою комнату, переоденься, спускайся в столовую.

— Ты мне приказываешь? А ты ничего не перепутал? Я ведь все отцу расскажу.

— С этим вряд ли получится. У него в ближайшие сутки телефон отключен. Любое общение через лечащего врача. Сама понимаешь, никто волновать его по пустякам не станет. Есть еще вопросы? — снисходительно, будто с неразумным ребенком, говорит Платон.

***

— Пока воздержусь! — голос Веры громкий, звонкий.

Зная ее характер, ясно, что девчонка не собирается сдаваться. Будет спорить до конца.

Однако Платон видит, по глазам, по тому, как натянута спина, как до белизны стиснуты ладони, что девочка устала. И будто сил спорить с ним у нее нет.

Вера, выдохнув, доходит до гостиной зоны и присаживается на край дивана.

Тонкие руки все еще цепляются за одежду, будто девчонка никак не может согреться. Наверное, так и есть. Пахомов видит, что шмотки на Вере мокрые.

Молча Платон идет к бару, готовит две порции алкоголя. Сейчас Веру нужно согреть, не хватало еще, чтобы она в первый же день нахождения в его, Платона, доме подхватила простуду.

— Держи, выпей, — Платон протягивает девушке стакан.

Вера смотрит прямо перед собой. А когда Пахомов уже готовится отразить очередную словесную атаку от Веры, девчонка его удивляется.

Протягивает ладонь, берет коньяк.

Пахомов занимает кресло на противоположной стороне, через столик от Веры. Да, далеко. И даже самому Платону кажется, что он сейчас убегает от нее.

И взгляд мужчины замирает на побелевших длинных, как у пианистки, пальцах. Странно, но у Веры короткие ноготки. Да, лучше смотреть на девичьи пальцы, чем на мокрую одежду.

Стоит Платону об этом подумать, как взгляд тут же скользит дальше. Ткань короткого топа нихрена не скрывает. И белья на девчонке нет. Даже со своего места Пахомов видит торчащие соски.

Твою ж мать, Вера!

А тем временем Шустер подносит стакан к губам и залпом выпивает. Пахомов, вскинув брови, смотрит на Веру.

Секунду, две… Девчонка делает вдох и закашливается, обмахивает лицо руками, на щеках появляется румянец.

Нет, пить алкоголь девочка в своей Европе так и не научилась.

Вздохнув, Платон приближается к Вере, садится рядом, похлопывает по спине ладонью, гладит между лопаток.

— Дыши, Верка, — подсказывает он.

— Что ты мне налил? — пыхтит Шустер. — Ладно, плевать.

Вера выравнивает дыхание, вытирает слезы ладонями и оборачивается к Платону.

Пахомов понимает, что зря он, как чертов спасатель, пришел на помощь. Сам же себя загнал в ловушку, потому что Вера слишком близко к нему сейчас.

Он даже видит, как длинные ресницы слиплись от проступивших слез. И цвет глаз видит. И аромат духов чувствует. И да, лифчика точно нет.

— Платон, скажи, что с папой? — спрашивает Вера.

Пахомов не сразу понимает вопрос. Взрослый мужик ведь, а чувствует себя подростком. Зря, очень-очень зря он не отказал Шутеру в просьбе. Не стоило ему связываться с Верой.

— После обследования будет ясно, — отвечает Пахомов.

— Чем он болен? Когда я говорила с ним перед вылетом, он выглядел уставшим. Что с ним? — Вера всем корпусом поворачивается к Платону.

Пахомов собирается встать с дивана. Надо прямо сейчас оказаться от девчонки максимально подальше, дабы исключить… всякое ненужное.

Но Платон словно прилипает задницей к дивану. И Верка глазищами своими требует ответа.

— Он в кардиологическом центре, Вера, — говорит Пахомов, — полный диагноз Степан и мне не говорит. Все, что я знаю: нужно делать операцию, но есть риск. После обследования будет четкая картинка.

— Сердце? У него сердце? — дрогнувшим голосом спрашивает Вера.

— Оно есть у всех, Вера, — усмехается Платон.

— Угу, кроме тебя, — усмехается девушка и отворачивается.

Пахомов прямо сейчас мог бы возразить. К сожалению, даже у него оно имеется. Но спорить с девчонкой не хочет. Он вообще не хочет быть с ней рядом, когда она настолько ранима и беззащитна. Как пиранья, пока рот не откроет.

— Переодевайся, Вера, приведи себя в порядок, будем обедать, — распоряжается Платон.

— Я не голодна, благодарю! — отрезает девушка и поднимается с дивана. — Значит, я здесь пленница?

— Гостья.

— Но к отцу мне нельзя?

— Он сам свяжется с нами, когда будет результат.

— С друзьями мне разрешено встречаться, ваше превосходительство?

— Не ерничай, Вера, — кривится Платон, — тебя будет сопровождать охрана.

— Вон те туповатые амбалы? Нет уж, спасибо. Сама справлюсь, — фырчит девчонка.

Платон усмехается. Надо же, сопровождение ей не нравится. Ну тогда пусть дома сидит!

Вера, не оглядываясь, уходит из гостиной. Платон, вздохнув, возвращается на диван. Мужчина и сам не замечает, что стоит на ногах. Нет, так не пойдет. Нужно что-то делать. Он же ведет себя, как сопляк, взрывается по малейшему поводу, и без него.

Пахомов растирает лицо рукой. Так, ладно. Можно считать, что встреча прошла относительно спокойно. По крайней мере, он не придушил Веру сразу. Хотя, признаться, этот вариант развития событий был бы самым простым.

***

— Вера, пойдем обедать!

Платон все же поднимается по лестнице на второй этаж. В доме никого из прислуги нет. Экономка, Анна Викторовна, приготовила обед и ушла. Охранники за пределами хозяйского дома, проверяют периметр. И в доме царит абсолютная тишина. И только раскаты грома доносятся с улицы.

Пахомов останавливается перед закрытой дверью в гостевую спальню. Он сам выбрал для Веры именно эту комнату, максимально подальше от своей собственной спальни. От греха, как говориться, подальше.

Хотя, чтобы подальше от греха — Пахомову нужно бы спать на другой планете.

Мужчина уже чуть громче стучит в дверь. Не может быть, чтобы Вера так крепко уснула.

— Я же сказала, что не хочу! — раздается за спиной Пахомова.

Платон оборачивается. Верка стоит, скрестив руки на груди. Ну хоть переоделась, и на этом спасибо. По влажным волосам ясно, что и душ успела принять.

— Твоя комната здесь, — Платон проворачивает ручку и толкает дверь гостевой.

— Мне она не нравится. Я обосновалась вот здесь, — Вера пальцев указывает на ту комнату, которую имеет ввиду.

— Вера, это совсем не смешно, — спокойно произносит Пахомов.

— Платон, я не напрашивалась к тебе в гости. Я могу пожить в доме отца, да даже снять номер в отеле! — парирует девчонка. — Но раз уж ты настаиваешь на моем присутствии в своем доме, то я буду спать здесь.

— Вообще-то это моя спальня, — прищуривается Пахомов.

— Вообще-то мне плевать, — ехидно улыбается Вера и захлопывает дверь прямо перед носом Пахомова.

Платон с трудом сдерживает рычание. Нет, надо поесть, пока он не откусил голову своей гостье. Или не совершил чего-то более непоправимого!

***

ГЛАВА 2

Вера предусмотрительно закрывает дверь на ключ. Прислонившись спиной к преграде, улыбается. Да, так ему и надо! Признаться, было очень приятно сбить спесь с надменного Платона Георгиевича. Вера не сразу забудет выражение лица этого сноба.

Оттолкнувшись от двери, Вера возвращается в ванную, чтобы привести волосы в порядок, а после переодеться.

Поиск в сетях ничего не дал. Как и звонок маме. Да даже личный помощник отца, номер которого был вбит в телефонную книгу Веры, толком ничего не ответил. Никто не знает точного диагноза отца. И получается, что последним человеком, с кем общался папа, был Пахомов.

Почти час Вера занимается своим внешним видом, волосами, прической, одеждой. Если не получится сегодня попасть к отцу, тогда Вера встретится с друзьями.

Место выбирают девчонки. По их словам, клуб новый, крутой, современный. Можно отдохнуть и пообщаться со всеми сразу.

Вера придирчиво изучает свое отражение в зеркале. Наверное, можно было надеть что-то менее откровенное. Но Вере скрывать нечего. Наоборот, фигура и загар у Шустер если не идеальны, то близки к нему.

Сумочка и туфли на высоченной шпильке дополняют образ. А яркая помада придает уверенности. Вера кивает своему отражению и выходит из комнаты.

Странно, что Платон больше не настаивает и не пытается прогнать ее из этой спальни. Впрочем, с него станется, он перенесет ее вещи, пока Веры не будет дома.

Негромко стуча каблучками, Шустер спускается вниз по лестнице. Просторный холл ярко освещен, а вот гостиная зона — окутана полумраком. Именно по этой причине Вера не сразу замечает, что кто-то сидит на диване. Зато тяжелый изучающий взгляд ловит почти мгновенно.

— Далеко собралась? — надменный и вкрадчивый голос заставляет Веру вздрогнуть.

— Ты меня напугал! — возмущается Вера.

— Ты куда-то собралась? — настаивает на ответе Платон.

— Не твое дело, — ведет плечом Шустер. — Ты сказал, что я не пленница. Могу делать, что хочу. Я хочу уехать.

— Не сегодня, — возражает Пахомов. — Я уже отпустил охрану. Обед придется разогревать. Знаешь, как включить плиту?

— Платон, это все не смешно, — усмехается Вера, — у меня планы. Я хочу съездить в город. Ок, если без охраны нельзя, я согласна поехать с твоими амбалами.

— У них выходной, — негромкий голос Пахомова начинает бесить Веру.

Он это специально делает, да? Нарочно злит ее?

— Мне нужно в город!

— Я переоденусь и сам отвезу, — пожимает плечом Паховом, а потом, повернув голову, будто в удивлении смотрит на полупустой бокал в своей руке, — а, нет. Не отвезу. Придется, Вера Степановна, вам посидеть здесь до завтра.

— Это не смешно, Платон!

— А разве я смеюсь?

Вера скрещивает руки на груди. Смотрит на Пахомова. Тот медленно поднимается с дивана.

— Интересно, так куда же ты собралась в наряде проститутки?

— Чего?!

— Говорю, ты нарядилась, как шалава, Вера, — усмехается Пахомов, залпом осушает стакан и ставит тот на столик, — понимаю, что у вас в Европе другие нравы. Но здесь нужно быть скромнее, Вера.

— Да пошел ты! — вспыхивает Шустер.

— Советую переодеться, — ведет плечом Пахомов, — вот что-то более приличное.

— У меня приличное платье!

— На тебе платье как у шлюхи.

— Смотрю, ты в шлюхах очень хорошо разбираешься! — уже почти кричит Вера. — К твоему сведению, этот наряд стоит целое состояние.

— Верка, последний раз предупреждаю, если не переоденешься, пожалеешь, — роняет негромко и угрожающе Платон.

— Да что ты говоришь! Я не собираюсь выполнять твои приказы, Пахомов! — Вера вздергивает подбородок упрямо.

— Я предупредил, Вера, — прищуривается Пахомов.

А Вера настолько зла, что никакие эмоции больше не ощущаются. Только злость и адреналин. Вере очень хочется выиграть этот небольшой спор. Не станет она пасовать перед чертовым Пахомовым!

Для выпившего человека Платон двигается очень быстро. Секунду назад он стоял в гостиной зоне, а теперь почти вплотную приблизился к Вере.

Вера дает себе слово, что ни жестом, ни словом не покажет ни страха, ни смущения.

Вскидывает подбородок, сжимает ладони в кулаки.

Пахомов, оказывается, весьма высокий мужчина. И почему прежде Вера не обращала на это внимания? Так, это неважно. Шустер ведь на каблуках, а это тоже приличный рост.

— Последний шанс, — прищуривается Платон, а Вера лишь поджимает губы. — Ну что ж, я предупреждал.

— Что ты творишь?! Это же… Урод! Ну ты и урод! — кричит Вера во весь голос.

Платон не слушает ее. Верка верещит все громче, пока ее дорогущее, ценой в целое состояние платье, превращается в лохмотья. И как только этому придурку удалось его порвать?! Удалось!

Вера пытается подхватить те тряпочки, что остались от шикарного наряда. Прикрыться руками.

— Туфли не отдам! — возмущенно пыхтит Вера.

Платон усмехается. Вера, оставшись в одном белье, хватает подушку с дивана и прикрывается ею словно щитом.

— Так и быть, туфли можешь оставить, — милостиво соглашается Пахомов.

— Ты за все ответишь! Я пожалуюсь отцу! — грозит Вера.

— Завтра тебе привезут нормальную одежду, — усмехается Пахомов и убирает руки в карманы брюк.

Вера не просто злится, она в ярости. Потому контроль утрачен, а мозг и вовсе отключается.

Шустер словно со стороны видит, как ее ладонь летит прямо к мужской щеке. Где-то очень далеко мелькает мысль, что Платон должен перехватит ее запястье, остановить. Вера ведь никогда прежде не дралась. И никого не била.

— Ох…

— Что это было? — ровным, но до жути пугающим голосом произносит Платон.

— Ты первый начал! Ты порвал мое платье! Ты…, — обвиняет Вера собеседника.

— Иди наверх, Вера, и оденься! — Пахомов почти кричит. Вера сжимается от его крика.

Не оборачиваясь, Шустер торопливо взбегает вверх по лестнице. Кажется, у нее все еще трясутся колени. И в ушах звенит громкий голос Пахомова.

Черт, он ведь просто невменяемый какой-то! Или это она такая? Она ведь ударила его! По лицу!

У Веры все еще дрожит рука, и кожа ладони жутко горит. Да и вообще, адреналин бьет фонтаном прямо в голову.

***

Пахомов отворачивается, чтобы не видеть, как Вера убегает. Зря он так. И хорошо, что девчонка отвесила ему пощечину. Кто знает, куда бы его занесло.

Платон смотрит на изорванное платье у своих ног. На самом деле, не настолько этот наряд откровенный. Все прикрыто, ничего не просвечивает. Да только ткань ладно обтягивает точеную фигурку. И все мысли Пахомова лишь о том, как взять девчонку.

— Твою ж мать! — бормочет мужчина и растирает лицо ладонями.

Куда его несет?! Ну куда, млин?!

***

Ветер не стихает, да и дождь усиливается. Кажется, льет стеной.

Платон слушает отчет охраны. Искусственный водоем немного размыло. Ерунда, восстановят. Главное, пока закрыть тот участок.

Пахомов выключает свет в кабинете. Алкоголь из крови и головы уже выветрился. И после трех часов за рабочим столом пусть даже в удобном кресле дают о себе знать. Потому Платон планирует спуститься в спортзал, на цокольный этаж.

Там, кроме бассейна есть и тренажеры. Да, нужно прочистить мозг физической нагрузкой.

В холле, между гостиной зоной и кабинетом так и лежат обрывки платья. Более того, в доме царит гробовая тишина. Вредная девчонка так и не спустилась. Пропустила обед, а теперь и ужин.

— Ладно, — бормочет Платон и меняет направление движения.

Пахомов поднимается вверх по лестнице медленно. Будто дает себе шанс передумать. Или, в крайнем случае, найти нужные слова, чтобы поговорить с Верой.

Не с того они начали общение. Нужно как-то это дело менять. В конце концов, Пахомов старше, мудрее.

Дверь в его, Платона, спальню закрыта. Чтобы ее открыть, Пахомов возвращается в кабинет. В верхнем ящике стола лежат все запасные ключи от внутренних и внешних дверей.

Усмехнувшись, Платон подбрасывает ключ на ладони и ловит его. А вместе с этим ключом ловит и азарт в крови. А что, если Вера там, мягко говоря, не одета?

Нет, нужно все же валить в спортзал. А не к Верке в комнату.

— Вообще-то, комната моя, — бормочет Платон с усмешкой.

Спустя пару минут, Пахомов проворачивает ключ в замке и входит в спальню.

Окна зашторены, свет приглушен, дверь в ванную плотно закрыта, а вот в гардеробную — нараспашку.

— Да какого хрена, Вера?! — возмущается Платон.

Ответа, разумеется, нет. Зато одежда хозяина спальни разбросана по полу, креслам, дивану. Кажется, девчонка раскидала все содержимое полок и шкафов. Даже запонки и булавки для галстуков. Как и сами галстуки, вон, валяются в углу.

Платон контролирует злость. Пытается делать глубокие вдохи и выдохи.

Проходит глубже в комнату и заглядывает в освещенную гардеробную.

Девчонка, виляя попой в такт музыке, раскладывает свои вещи по пустым полкам.

— Вера! — рявкает Платон и тут же замечает, что в ушах у Шустер наушники.

Пахомов выдыхает. Нет, не помогает чертова дыхательная гимнастика. В задницу ее!

— А теперь верни все вещи на место! — орет Пахомов, ловко вынув наушник Веры.

— Господи! — вскрикивает Вера в испуге.

— Живо приберись здесь! — рявкает Платон.

— Так я это и делаю, — хлопает Вера ресницами.

— Верни мою одежду на место! — чеканит Платон.

— Боже, Пахомов, у тебя здесь два этажа комнат, ну выбери для себя другую, — отмахивается Вера и улыбается ехидно: — А еще лучше, отправь меня в дом отца. Подальше отсюда. Ты только представь, как нам всем будет удобно. Ты здесь, в своей любимой спальне. Я там, ну где-то там, на другом конце города.

Пахомов в шаге от того, чтобы согласиться. Ну невозможно ведь так! Нервов никаких не хватит на детские выходки Верки.

— Знаешь что, Вера Степановна, — прищуривается Платон, осекается, потому что идти на поводу у девчонки не собирается, — все ты верно сказала. Это моя любимая спальня. Никуда я не уйду.

Пахомов снисходительно усмехается и начинает расстегивать пуговицы на рубашке.

— Ты чего это? — теряется девчонка.

— Переодеваюсь, — вскидывает бровь Платон, — внизу есть бассейн. Когда надоест играть в детский сад, присоединяйся.

— И не мечтай! — поджимает губы Вера.

— Я? О чем? Поплавать с тобой в бассейне? Не пори чушь, девочка, — продолжает посмеиваться Платон и отправляет рубашку в корзину с грязным бельем. Тут же подходит к шкафу, до которого Вера, к счастью, не успевает добраться. Расстегивает ремень, собирается сменить брюки и белье на плавки.

Вера, как и предполагает Платон, испаряется из гардеробной прежде, чем он снимает трусы. Судя по звукам из спальни, девчонка запирается в ванной комнате.

— Ты бы поужинала, Вера, — чуть громче предлагает Платон.

— Иди в… бассейн! — кричит девчонка из своего укрытия.

— Ну, как хочешь, — посмеивается Пахомов.

***

Вера ненавидит беспорядок. Нет, зря она все это затеяла. Ну порвал Платон ее платье. Она ведь новое купит. А еще лучше — выставит другу отца счет за новый наряд.

Вздохнув, Шустер обводит взглядом спальню. Просторная комната, разделена на две зоны. Цвета очень гармонично сочетаются, да и весь интерьер продуман до мелочей.

Нет, зря Вера устроила здесь военные действия. Хорошо, хоть додумалась не вытряхивать все содержимое шкафов, а ограничилась галстуками, рубашками и свитерами.

Быстренько вернув все на места, Вера вздыхает. Прав чертов Пахомов, надо бы спуститься вниз и поужинать. Плавать она, конечно же, не пойдет. Не хватало еще расхаживать перед Пахомовым в купальнике!

Кивнув своим мыслям, девушка выходит из комнаты. Кухня на первом этаже, просторная, уютная, оснащена современной техникой, а холодильник забит продуктами. Еще и кладовка имеется, где тоже полки валятся от запасов.

Вера решает, что есть приготовленное кем-то, не станет. Лучше быстренько соорудит для себя пасту и салат.

И вот, спустя двадцать минут, сытный обед, он же ужин готов. Вера уже садится на высокий стул, как до слуха доносится звук шагов.

Вера так и замирает с вилкой в руке, когда порог кухни перешагивает молодой мужчина, одетый в промокшую насквозь футболку и спортивные брюки.

— Ух ты, как вовремя я подкатил, да? — подмигивает незнакомец.

— Прошу прощения? — Вера вскидывает бровь в удивлении.

— Не стоит, Верочка,— подмигивает парень, — с тебя ужин, с меня развлечения.

— А вы кто?

— Ты меня не помнишь, да?

Вера отрицательно качает головой.

— Саня, — протягивает руку парень, а в глазах Веры мелькает узнавание.

— Сашка Пахомов? Ничего себе, ты подрос! — удивляется Вера. — Тебя не узнать, Саш!

— Ну а ты чего хотела? Мы пять лет не виделись, — подмигивает младший брат Пахомова. — Нам тогда по пятнадцать было. Кстати, ты вообще красоткой стала. Нет, ты и раньше прям супер, ну для девчонки. А теперь прям, вау, богиня!

— Да иди ты! — смеется Вера, но комплимент слышать очень приятно.

***

Пахомов плавает тридцать-сорок минут, не больше. Выходит из воды, наспех моется в душе тут же, потому что не хочется подниматься наверх. К тому же, скорее всего, Вера не пустит его в собственную ванну.

Платон надевает халат и понимает, что легкий ужин не помешает. Если Верка хочет голодать, ладно, пусть. Завтра он подумает, как надавить на девчонку. А сейчас надо хоть что-то закинуть в собственный желудок, иначе он Вере не только голову откусит, но и прочие аппетитные части тела.

— Млин, — выдыхает Пахомов.

Вот зря ведь подумал об этом. Зря вспомнил Верку в одном белье. Теперь что, опять мотать километраж в бассейне?

Платон вздыхает. Идет на кухню. А когда слышит громкий смех, слегка притормаживает.

— Какого, твою мать, черта?! — бормочет Пахомов.

Платон не помнит, чтобы Саня обещал приехать. Значит, спонтанно приперся. Этого только не хватало! И без младшего брата хватает забот!

Платон входит в комнату. Очень не нравится Пахомову то, что он видит здесь.

Вера с широкой улыбкой на лице. Саня не менее счастливый, будто никогда не видел красивых девчонок. По тарелке еды перед каждым. Еще и бутылку вина открыли. Не абы какого!

— Что отмечаем? — тяжело роняет Пахомов.

— О, брат, привет! Верочкин приезд, — лыбится Саня. — Если не занят, присоединяйся.

— Угу, всенепременно, — цедит Платон сквозь зубы, — и поесть не откажусь.

— В холодильнике. Ешь на здоровье, — ехидничает Вера.

Платону хочется психануть. Саню вышвырнуть из кухни. Верку запереть в спальне. И самому — там же. Он же не тащил ее в свою комнату. Она сама отжала спальню у него. Вот и пусть теперь выруливает из ситуации.

— Верусь, надо его покормить, он сразу подобреет, — заигрывает сопляк с девчонкой, — я такой пасты в жизни не ел! Шикарно, очень вкусно!

— Боюсь, Платон Георгиевич не оценит, — кокетливо ведет плечом Вера. — Но так и быть, приготовлю.

Пахомов с трудом контролирует желание если не отшлепать Верку, то хотя бы хорошенько встряхнуть. Ну вот чего она опять начинает конфликт?

Вера встает со стула. Пахомов наоборот, садится на свободный. Берет полупустой бокал вина.

— Эй, не наглей! — возмущается Вера.

Платон уже позже соображает, что бокал этот Верин. Да и похрен!

Пахомов, усмехнувшись, делает несколько глотков.

— Каким ветром, Сань? — смотрит на мелкого.

— Не могу просто так проведать старшего брата? Узнать, как дела, не нужно ли чем-то помочь? — фырчит Сашка.

— Деньги кончились? Тачку расхерачил? Влип куда-то? — перечисляет Платон.

— То есть, по хорошему поводу я приехать к тебе не могу? — посмеивается братишка. — А я, между прочим, женюсь. Семью решил завести. В перспективе, ребенка. Да, Верочка?

— А мне откуда знать, — бормочет девушка и тут же, будто спохватывается, — а, да, конечно, дорогой.

— Ну вот, — многозначительно кивает и лыбится Сашка, — невеста согласна. Благословляешь наш союз?

Пахомов успевает проглотить вино прежде, чем Сашка задает вопрос. Исключительно по этой причине Платону удается контролировать порыв врезать Сашке по смазливой физиономии.

Жениться надумал? Ну-ну!

— Сначала сессию закрой, жених, млять, — бормочет Пахомов.

— На этот счет не волнуйся, братишка, — подмигивает малолетний придурок, — все будет тип-топ. Верочка, так что насчет завтра? Потусим?

— Нет!

— Да!

Вера отвечает в один голос с Пахомовым, причем говорит совсем не то, что нужно. Тусить собрались? Да хрен там!

— У Веры завтра дела, — добавляет Платон. — А у тебя университет. И на работе ты не появлялся уже неделю.

— А чего там делать? Ну правда, скука смертная, — жалуется Саня.

— Нравится жить на одну стипендию? Могу устроить, — скалится Платон.

Мужчина уже привык к перепалкам с младшим братом. А вот к присутствию Веры на кухне — нет. Но зато со своего места Платон прекрасно видит, как плавно и изящно двигается девчонка. И готовит, прав Саня, шикарно. По крайней мере, ароматы витают просто зверские. Такие, что у Пахомова моментально выделяется слюна, и аппетит просыпается, как у хищника.

— Давай только без жести, а, — скисает Сашка и уже серьезно продолжает разговор: — Я реально насчет офиса подумал. Не нравится мне там. Я хочу в другую сферу.

— Внимательно слушаю, — кивает Пахомов.

— Давай я подробнее все продумаю и приду к тебе, Платоша? — просится брат.

Пахомов давит первоначальное желание тут же отказать. Да что Сашка в бизнесе понимает? Но тут же вспоминает, что и сам когда-то был таким же, молодым, импульсивным.

— Добро, — кивает Платон и допивает вино из фужера.

Вера, спасибо ей за это, ставит перед ним полную тарелку еды. Аромат просто обалденный. Платон уже предвкушает, как все это съест.

— Пойду поплаваю, — роняет Верка небрежно.

— Я с тобой! — подскакивает Саня со стула.

Платон медленно, считая до десяти, выдыхает. На самом деле, это ведь нормально, что Сашка и Вера нашли общий язык. У них и возраст один. Одинаковые интересы. Взгляды на жизнь. И много чего еще общего.

Пахомов выливает все вино из бутылки в свой бокал. Есть уже не хочется. Хочется надраться в хлам. Но Платон все же берет вилку в руку и пробует то, что приготовила для него Вера.

***

ГЛАВА 3

— А сейчас смертельный номер! — раскатисто выкрикивает Сашка и с разбега, бомбочкой, плюхается в воду.

Каскад брызг обливает Веру. Девушка, сидя на шезлонге, смеется, пытается закрыть лицо руками.

С Сашкой весело. Да и вообще, Пахомов –младший очень забавный парень. К тому же готовит прекрасные коктейли, в основном безалкогольные. Однако Вера чувствует себя слегка охмелевшей.

Импровизированная вечеринка Вере очень нравится. Сашка даже музыку подбирает ту, что приходится по душе Вере.

— Хватит там сидеть, ныряй в воду! — зовет Саня и специально брызгает водой в Веру.

— Пахомов, я только вылезла из воды! — смеется девушка.

— Ну тогда я тоже выползаю, — улыбается парень.

Вера немного устала, да. Плавать девушка любит, может, практикует. Но на сегодня силы будто закончились. И день какой-то нескончаемый, насыщенный событиями. Зато с Саней подружились, это, определенно, плюс.

— Ты созрела для взрослых напитков, или будешь и дальше пить лимонад? — подмигивает Саша.

К бассейну приятель умудрился притащить целый бар, фрукты, сыр. Жаль, что на улице проливной дождь. Так бы можно было бы посидеть на террасе. Из окна комнаты Вера видела шикарную садовую мебель, даже костровая чаша имелась. Но, увы, погодка сейчас не радует.

— А давай, чуть-чуть, — решается девушка. Все равно больше в воду она не полезет, можно и выпить несколько капель алкоголя.

Сашка радостно потирает ладони. Лихо откупоривает бутылку, разливает по стаканам.

— Свистнул у Платоши из кабинета, — хвастается парень.

— Он тебе уши открутит, — посмеивается Вера, подносит бокал ко рту, делает небольшой глоток. — Нет, Сань, не хочу. Как-то сильно крепко для меня.

— Ой, да брось! — фыркает Пахомов. — Наверняка, в своей Европе и не такое пила.

Вера не хочет спорить. С крепким алкоголем у Веры отдельная история. Наутро дичайшее похмелье, стоит только крышечку, как говорится, понюхать.

Сашка продолжает болтать обо всем подряд. Рассказывает университетские байки. О своих школьных приятелях. Даже о Платоне. Причем Вера не очень хочет о нем слушать, но, что странно, именно истории о Пахомове-старшем завладевают ее вниманием.

Вера смеется, слушает, поддерживает беседу. И совсем не замечает, как паразит Саня спаивает ей еще порцию. Или даже две, а, может быть, и все три.

Словом, у Веры уже кружится голова, и лезут всякие шальные мысли.

— Слушай, а правда, что дом построили на старом кладбище? — икает Вера.

— Ты что! Нет, конечно! Ты это только что придумала? — хохочет Саня. — Но места здесь шикарные. И даже озеро есть. Ну, как озеро. Так, мелкий водоем. Но там прикольно.

— Пойдем, посмотрим? — порывается встать Вера.

— Дурочка, там дождь, — возражает Саша.

— И что? Мы же уже мокрые, — фыркает Вера.

— Действительно, — смеется Саня.

Вдвоем они поднимаются на этаж выше. Всего несколько ступенек, но преодолевая их, парочка держится друг за друга. Вернее, Вера почти висит на Сане, а тот — рукой за стену.

— А давай шампусик прихватим?

— А давай, — соглашается Верка.

Смеясь, они пересекают холл. Шикая друг на друга, жестикулируя, подавая друг другу странные знаки, идут дальше, сдавленно хихикают.

— Только тихо, — предупреждает Сашка. — Братишка не в духе.

— Да он вообще зануда, — ворчит Вера.

— Да не, он нормальный, — возражает Саня.

— Угу, просто старый, — хихикает девчонка. — Ой, кажется, мне нужно пи-пи.

— Проводить?

— Иди в жопу, сама справлюсь, — снисходительно машет рукой Вера.

— Кстати, раз уж мы про жопы заговорили, — широко улыбается парень, в нем просыпается ловелас, не иначе, — а где ты достала такую зачетную задницу?

— В магазине на сдачу выдали, когда за вредностью стояла, — раздается очень неожиданно, да так громко, что Вера подпрыгивает на месте. Пытается перехватить пояс на халате, чтобы завязать его. Она ведь в купальнике. Но чертов пояс куда-то испаряется.

— А мы вот, решили проветриться, — Сашка отвешивает брату шутовской поклон.

— Живо по своим комнатам разбежались! — рявкает Платон еще громче.

— Пф! — прыскает Вера, тыкает в Пахомова пальцем, обращается к Сашке. — Нет, ты слышал? Командир, елки-палки! Нет, бери выше: генерал!

— Верунчик, куда-то тебя понесло, — смеется Саша.

Вера, икнув, смотрит на друга. Ей приходится запрокинуть голову, потому что Саня довольно высокий. Одновременно девушка, потеряв равновесие, хватается рукой за Сашкино плечо.

— Ты обещал показать мне озеро, — заплетающимся языком напоминает Вера. — Хочу на озеро. Пойдем, а? Надоело слушать этого…

Вера машет рукой в сторону Платона, морщит нос, вновь хихикает.

— Уйми свою подружку, Сань, — цедит Пахомов-старший. — Или это сделаю я.

— Какие мы грозные, — фыркает Вера. — Я тебя не боюсь, понял?

Сашка вовремя успевает перехватить Веру. Она понимает, что ее несет. И комната дико кружится. Да и вообще, Вере катастрофически сильно нужно в уборную. А приходится спорить с этим … козлом!

Вера смеется собственным мыслям. Надо же, какой грозный. Стоит, зыркает глазищами, ноздри раздуваются как у быка.

— Все, достала! — слышит грозный голос Платона.

— Эй, братишка, полегче, — вступается Саня, но Вера замечает, как друг, пошатнувшись, заваливается на ближайший диван.

— Скрылся, млять! — рычит Платон.

Вера почему-то видит комнату вверх тормашками. Все кружится, точно на карусели. Вера перестает чувствовать пол под ногами. В какой-то момент понимает, что цепляется она уже не за Сашку, а за рубашку Пахомова-старшего.

— Поставь меня на место, — требует Вера.

— Заткнись!

— Сам заткнись!

— Вера, не беси меня!

— Эй, я хочу обратно. Где Саня?

— Я в порядке, в порядке, — слышится заплетающийся, почти засыпающий голос.

— Вырубился твой Саня, — цедит Платон.

Вера пытается держать глаза открытыми. Надо же, ее действительно уносит слишком уж стремительно. Не иначе, а у магната Пахомова в кабинете притаился паленый коньяк. Или что там они с Сашкой пили у бассейна? Не важно уже.

— А тебе не тяжело? Возраст, отдышка, прочие стариковские дела, — ехидничает Вера.

— Я тебя сейчас случайно уроню с лестницы, — предупреждает Платон.

— Я упаду, ударюсь головой, умру и каждую ночь буду являться к тебе в облике привидения. Оно тебе надо? — бормочет Вера, вздыхает, голова совсем тяжелая. — Слушай, ты бы поторопился. Пи-пи хочется все больше.

— Млять, Вера, мне было обязательно это знать?

— Как вариант, ты вообще не должен был нам с Сашкой мешать, — жалуется девушка.

— Чтобы вы убились к чертям? Там дождь. Пруд размыло.

— Зануда ты, Пахомов, — кривится Вера и тут же возмущается: — эй, у меня ушиб задницы теперь!

— Переживет твоя задница! — рявкает Платон и хлопает дверью ванной.

Вера, по стеночке, встает с полу, куда почти бросил ее Платон, добирается до раковины. Смотрит в зеркало на свое отражение.

— Боже, Шустер, ну ты же совсем не умеешь пить, — жалуется Вера самой себе, а дальше все будто в тумане. Главное, Вера знает, что все процедуры перед сном она завершает собственноручно, без посторонней помощи. Кажется, даже умудряется почистить зубы.

***

Итак, подведем итоги. Меньше, чем за сутки своего пребывания в доме, Вера раз десять вывела его из состояния равновесия. Прикончила, ладно, пусть вместе с Саней, но тут важен факт, одну из самых дорогих бутылок марочного вискаря. И, что самое смешное, чистит зубы его, Платона, щеткой. А еще умудряется разрисовать зеркало, использовав целый тюбик зубной пасты.

— Цветочки, твою ж мать, — бормочет Пахомов, глядя на творение Вериных рук. Наутро вся эта мазня намертво прилипнет к зеркалу. Но стирать такую красоту не собирается. Кто намалевал, тот пусть и убирает.

Пахомов выключает свет в ванной комнате. Проходит в спальню. Смотрит на собственную постель.

Соображает, что в таком состоянии Верка даже не понимает, где спит. И можно было бы отнести ее в гостевую комнату. Отвоевать, так сказать, собственные владения обратно.

Угу, там, в гостевой, как раз через стенку комната брата.

Именно эта мысль начинает бесить Платона. Именно по этой причине Пахомов не собирается ничего предпринимать, а ложится на свободную половину кровати.

А что такого? Он ведь у себя в спальне. Потому и спать он будет в своей постели.

***

— Твою ж бабушку…, — выдыхает Вера со стоном и открывает глаза.

Тошнота волнами подкатывает к горлу. Голова раскалывается. И, Вера уверена, что изо рта несет, как из пивного бара.

Девушка садится, спускает ноги на пол. Комната немного кружится, но терпимо.

— Таблетка на тумбочке, — слышит сонный голос.

— Угу, — отвечает Вера, тянется рукой к стакану, полному воды. — Чего? Ты чего здесь делаешь?!

Вера морщится от того, насколько громко и противно звучит ее голос. Тут же стонет, давит ладонями на виски. Да, таблетку нужно выпить немедленно, пока мозги не взорвались.

— Я здесь спал, пока ты орать не начала, — бормочет Платон.

— Господи, разве нет других кроватей в твоем чертовом доме?! — со стоном укоряет Вера.

— Я тебя сюда не звал, — напоминает Пахомов.

— Зануда, — фырчит Вера, растворяет таблетку в воде, выпивает все содержимое стакана.

— И старик, я помню, — усмехается Платон, зевает, переворачивается на спину.

Вера не собирается смотреть на мужчину. То, что она просыпается в его постели — недоразумение. Она ведь не предполагала, что Пахомов будет спать здесь же.

Смотреть Вера не собирается, но выходит так, что смотрит. Более того, абсолютно не собирается сравнивать двух братьев, старшего и младшего. Сашка прекрасно сложен, развитая мускулатура, рельефы, все при нем. На вкус Веры — слишком уж Саня «перекачался». Видно, что парень много времени уделяет спорту.

Платон выглядит иначе. Нет, вопреки ее словам, Пахомов не старик. В нем нет ни дряхлых мышц, ни пивного животика. Подтянутый, крепкий. Не громила, но и не хлюпик. Есть чем полюбоваться женскому взору.

— Могу спиной повернуться, — насмешливо говорит Пахомов.

Вера понимает, что беззастенчиво пялится на мужчину. А тот, сцепив пальцы в замок, держит их на затылке. И смотрит в ответ.

— В душ иди, Вера, — уже совсем в другой интонации говорит Платон.

Девушка торопливо подскакивает с места. Голова резко идет кругом, а ноги заплетаются. Приходится вцепиться пальцами в резное изножье постели. Не помогает, потому что девушка спотыкается о собственные домашние тапочки. И, не удержав равновесия, падает на пол.

Хорошо, что под ногами мягкий ковер с высоким ворсом. При падении никакая часть тела Веры, кроме самолюбия, не пострадала.

— В порядке? — интересуется Пахомов.

Вере жутко стыдно и неловко. Вдвойне неловко становится от того, что Платон одет в одни лишь боксеры, которые ничего не скрывают.

Ну вот, Вера теперь умудряется рассмотреть всего Пахомова, целиком.

Мужчина, тем временем, поднимает ее с пола, усаживает на постель.

— Давай-ка ты еще немного поспи, — предлагает Платон. — Голова кружится? Тошнит? Скоро таблетка подействует, станет легче.

— А можно я тихонько переееду в гостевую комнату, и мы сделаем вид, что ничего этого не было? — зажмурившись, говорит Вера.

— Так ничего и не было, — усмехается Пахомов, а когда Вера приоткрывает один глаз, добавляет: — пока ничего.

***

— Ох, что ж я маленьким не сдох, — бормочет Сашка.

Парень, войдя в столовую, где уже накрыт завтрак, будто подкошенный падает на свой стул.

— Пить надо меньше, — замечает Платон.

— Да я и не пил особо, так, отмечал встречу с Верой, — возражает брат. — Кстати, ты бы хоть предупредил.

— Разве ты не знал, что Вера приедет? — вскидывает бровь Пахомов.

— Знал, — кивает Саша, — не знал, что Верочка стала такой красивой.

Пахомов бросает на брата хмурый взгляд исподлобья. Есть у Платона отчаянное желание поправить пацану челюсть. К тому же, кто-то ведь должен заплатить за опустошение стратегических запасов виски в рабочем кабинете.

— Не думал, что это важно, — все же берет себя в руки Платон.

— Для такого сухаря, как ты, возможно, а вот для меня…, — брат расплывается в широкой улыбке. — Знаешь, я почти влюбился! Вера такая классная. Компанейская. С юмором. И совсем не дура. Ну и красивая, да. А фигурка какая! М-м-м! Видел?

Пахомов молчит, медленными глотками пьет обжигающий кофе и контролирует каждое свое движение.

Черт, это ведь Саня! Болтун и балагур. Младший брат, у которого детство играет в заднице. Ну что с него взять?!

— Верка прям огонь, — пацан, подперев подбородок кулаком, продолжает мечтательно улыбаться, — мы когда вчера плавали, едва не ослеп от такой красоты. А как она двигается! Отвал башки, а не девушка.

— Еще слово, и твоя башка отвалится в прямом смысле, — роняет Пахомов угрожающе.

— Да что такого! Я же правду говорю, — негромко возмущается Саня, — Вера красоточка. Я бы ее…

— Достал! — рявкает Платон и ударяет ладонью о стол. — Рот закрой и ешь!

— Да расслабься, братишка, какой-то ты напряженный, — фыркает Саня и, наконец, замолкает. — А вот и Верочка. Здравствуй, малышка, как дела? Головка не болит?

— Да иди ты в задницу, — негромко бормочет Вера, а потом добавляет уже громче, улыбаясь: — Доброе утро, малыш!

— Это ты мне? Вай, как я рад, — моментально становится в стойку Саня. — Зачетное утро, да. Будешь кофе, или чай? Могу сок приготовить, вот этими руками. Хочешь?

— Спасибо, нет, — качает головой Вера и садится на свое место.

Пахомов делает вид, что за столом, кроем его самого, больше никого нет. Пусть молодежь и дальше обменивается любезностями, милуется, мать их за ногу! У Платона есть более важные дела, чем слушать все это дерьмо!

— О, а ты в город? Подбросишь? А то у меня перегар, как из бочки, — просит Саня.

— Сам справишься, — возражает Платон.

— Да куда мне за руль?! — канючит Сашка. — Ну тогда останусь до вечера. Пока не выветрится. Заодно и с Верочкой потусим, да?

— Собирайся! — резко командует Платон и демонстративно смотрит на часы: — У тебя десять минут.

— Я тоже хотела в город! — подает голос Вера. — И в больницу нужно. Ты забыл? Ты же обещал!

— Я все прекрасно помню, — не глядя на девушку, говорит Пахомов. — У тебя есть собственная тачка и водитель в распоряжении. Пользуйся.

— О, я тогда с Верой! Верунчик, возьми меня с собой, я тебе пригожусь, — театрально сцепив ладони в замок, умоляет Саня.

— Уже девять минут, — прерывает Пахомов театральную игру брата.

— Да я подвезу, мне же не сложно, — улыбается Вера.

— Живо, млять, в машину! — повышает голос Пахомов.

Хорошо, что Саня знает, когда не стоит перегибать. Потому что брат соображает. Как нужно поступить. Поднимается из-за стола. Начинает прощаться с Верой.

— Жду в машине, — цедит Пахомов, а уже в дверях бросает тяжелый взгляд на Веру.

Девчонка улыбается, широко и, кажется, искренне. Сразу ясно, что шутливая болтовня с Сашкой ей по душе.

Ну вот, все же в порядке. У них интересы общие. Возраст одинаковый. Круг общения схож. Даже вырядились они, не сговариваясь, в джинсы и рубашки свободного кроя.

Или сговорились? Когда? Пока Платон завтракал? Вера ведь уже не спала. А Саня? Он пришел к ней в комнату?

Твою ж, блядь, мать!

Пахомов чувствует лютую злобу. А ведь на Сашку он никогда прежде не злился вот так, с полпинка. Как бы сильно ни провоцировал его брат, в какие бы передряги ни влипал, а Пахомов всегда держал себя в руках.

Что же изменилось сейчас?

Садясь в машину, Платон смотрит в окно собственного дома.

Ракурс выходит вполне удачным. Через стекло видно девушку, стройную и, Саня прав, нереально красивую. А рядом — парень.

Они о чем-то весело болтают, смеются, стоят слишком близко друг к другу. Будто лишний раз указывая Платону, что именно он здесь лишний.

Третий, блядь, лишний!

В довершении всего, как вишенка на торте, Сашка обнимает девчонку за плечи. А та, привстав на цыпочки, тянется поцеловать парня.

— Заебись, — бормочет Платон, отворачивается за секунду до такого долбанного события. Нет ему никакого дела до того, как эта парочка целуется! Ему посрать! У него масса неотложных дел. И он не нанимался присматривать за избалованной принцессой.

— В офис, — отдает короткие распоряжения Пахомов.

— Эй, стой! Меня забыли! — кричит Саня, догоняет уже тронувшуюся с места тачку.

— Останови, — кивает Пахомов.

Саня запрыгивает в салон. Устраивается удобнее.

Платон через боковое стекло видит, что Вера выходит на крыльцо. Даже ручкой машет на прощание.

— Эх, зачетная все-таки девчонка, — мечтательно вздыхает Саня.

— Она спит в моей постели, — цедит Платон и не смотрит на брата.

Главное — он сказал. Дальше пусть Сашка сам додумывает.

— Серьезно? В каком смысле, спит?

— Подушка. Одеяло. Матрас. Два человека. Что конкретно в этой логической цепочке тебе не ясно? — теряет терпение Пахомов.

***

ГЛАВА 4

— В два часа у нас встреча с лечащим врачом твоего отца.

Вера смотрит на телефон в собственной ладони. Вот и кто так начинает беседу? Разве сложно произнести короткое «Привет»? Хам, а не Платон Георгиевич!

Да и плевать. Если все получится, то Вера будет видеть Пахомова раз в год.

— Где именно?

— Охрана в курсе. Водитель тебя отвезет, куда нужно.

Пахомов завершает разговор так же, без предупреждения, как и начинает его. Вера злится. Но поделать ничего не может.

Второй звонок поступает на телефон девушки. Номер не определен.

— Слушаю! — недовольно роняет Шустер.

— Верочка! Я уже на месте, — сообщает абонент.

— Хорошо, Стас, — Вера начинает улыбаться, потому что действительно рада встрече с давним приятелем. — Кажется, я тоже. Если не помешают пробки.

— Что тебе заказать? Говорят, здесь чудесное каре ягненка, — продолжает парень.

— На твое усмотрение, — пожимает плечом Вера. — Но я не голодна, если честно.

— Аппетит появляется во время еды, — смеется Стас. — Жду тебя, красотка.

Вера убирает мобильный в карман. Смотрит за окно. Автомобиль неспешно продирается через улицу, забитую трафиком. Наверное, даже хорошо, что скорость передвижения как у улитки. Ведь у Веры появляется время, чтобы подумать.

Вера все еще не знает, что со здоровьем папы. Не знает, как долго он проведет в клинике. Да и, что уж скрывать, Вера очень хочет увидеть отца. Ведь в последний раз они встречались полгода назад.

И да, Вера очень хочет рассказать отцу, как сильно не хочет жить с Пахомовым под одной крышей. С огромным удовольствием она поселилась бы в доме отца, или в собственной квартире. Однако прямо сейчас у Веры нет возможности приобрести жилье. Арендовать можно. Но на поиск подходящего места уйдет, в лучшем случае, несколько дней. А чтобы въехать к отцу, элементарно нужен ключ.

Вера невольно начинает думать о Пахомове. А ведь начиналось все, как шалость. Из вредности Вера въехала в комнату Платона.

И что в итоге? Она просыпается, с головной болью и похмельем, в одной кровати с ним. И чувствует себя неловко. Хотя, неловко — не самое подходящее слово.

Пахомов — друг отца. Но ведь, как правило, порядочные девушки не спят в одной постели с друзьями и приятелями родителей! По крайней мере, Вера не собиралась ничего подобного делать.

И это Пахомовское «пока ничего». Что он вообще имеет ввиду под этой фразой? Будь он неладен!

Пока ничего? Да вообще ничего и никогда! Ни за что!

— Подъезжаем, Вера Степановна, — сообщает водитель, охранник и конвоир, в этом Вера не сомневается, ведь Пахомов приставил к ней этого человека.

— Спасибо, — кивает девушка.

Злость уже стихает. Да и настроение стремительно улучшается, потому что Вера хочет встретиться с давним приятелем.

Стас Новиков — парень, с которым Вера знакома три года. Сначала они просто переписывались, случайно познакомившись в сети. Потом Стас неожиданно оказался на стажировке в том же городе, где Вера жила с мамой. А сейчас, вот, планирует с ним встретиться в ресторане.

Новиков для нее просто друг. Но Вера не единожды замечала намеки Стаса о том, что он не прочь выйти из френдзоны.

А Вера… У Веры тьма сомнений на этот счет.

***

Шустер входит в холл ресторана. Виктор, ее водитель, придерживает для нее дверь и собирается сопровождать ее и дальше.

— Уверена, никакие опасности меня там не подстерегают, — усмехается Вера.

— Подождать вас в машине?

— А вы можете взять выходной? Я уже взрослая девочка, сама доберусь до клиники, а потом и домой.

— Не положено. Платон Георгиевич приказал сопровождать вас, — возражает Виктор.

— Ясно, — нетерпеливо роняет Вера. — Тогда ждите меня снаружи.

Вера не ждет ответа охранника. Проходить вглубь ресторана, где ее ждет друг. А увидев знакомое лицо, радостно улыбается и машет рукой.

— Привет, красавица! — Стас раскидывает руки, намереваясь ее обнять. А Вера, как у них с другом заведено, позволяет ему это сделать.

Украдкой морщит нос, потому что парфюм у Новикова чрезмерно резкий. Так и забивается в ноздри, слегка душит, что ли. Словом, не нравится Вере запах Новикова. А вот Пахомов предпочитает совсем другие ароматы, не навязчивые.

Так! Стоп! Какого черта Вера вообще вспоминает о Платоне?!

— Слушай, ты совсем изменилась. Нет, ты и прежде была чумовой красоткой, но сейчас…, — Стас широко улыбается, не торопясь убирать рук с Вериных плеч. — Я сражен наповал, Верочка.

— Ты болтун, Стасик, — смеется Вера.

И совсем не обращает внимание на то, что охранник делает фото на телефон.

***

Пахомов все утро торчит в офисе. Хорошо, что дел накопилось действительно много. Большинство неотложные. Однако мыслями он возвращается в собственную спальню.

Черт, в какой момент его жизнь сворачивает не в ту сторону, а?!

Платон по сообщениям охраны отслеживает, где именно находится Вера. С Саней они расстаются почти сразу же, как только пересекают черту города. Пахомов и сам себе не признается в том, что выдохнул с облегчением. Ему не нравится то, насколько быстро Вера и младший бездельник находят общий язык.

Однако покой Пахомова длится недолго. Спустя пару часов, водитель докладывает о том, что у Веры встреча в ресторане. С мужчиной. Не с младшим братом Платона.

По словам Виктора, охранника, Вера рада встрече. Да и на фото, отправленном Платону, девушка широко и радостно улыбается.

Пахомов перебирает в памяти всех знакомых, кто отдаленно похож на приятеля Веры. Нет, и близко никто не идет на ум. И это сильно раздражает.

— Жанна, закажите мне столик в ресторане. Координаты я вам отправил. После обеда я еду в клинику. Все встречи перенесите на завтра.

— Вас поняла, Платон Георгиевич, — отвечает секретарь.

— Ну поглядим, что там за мужик непонятный, — прищуривается Пахомов, уже сидя в машине, которая мчится в тот же ресторан, где сейчас находится Вера.

***

Вера смеется очередной шутке Стаса. Сама же ловит себя на мысли, что шутки у приятеля мало что не смешные, еще и с подтекстом. Этот самый подтекст Вера кожей чувствует. И взгляды у Стаса, слишком говорящие, начинают Веру бесить.

Появляется желание встать и уйти. Но Вера уговаривает себя остаться. Ведь прежде общение со Стасом не давило. Ей нравилось с ним дружить. И, кажется. Между ними ничего не меняется.

Меняется сама Вера. Наверное, взрослеет. Хотя, взрослеть в двадцать лет — поздновато.

Вера, машинально улыбаясь, делая вид, что слушает собеседника, думает об отце.

Странная ситуация, нелогичная. Девушка ведь приехала к папе, а выясняется, что он не здоров, еще и создается такое ощущение, будто он прячется или избегает встречи с дочерью. Почему? Что Вера успела натворить? Ничего ведь!

— Кажется, с тобой хотят поздороваться, — огорошивает ее Стас.

Вера замирает, так и не повернув головы к выходу.

Почему-то она знает, что в ресторане объявился Пахомов. И было бы классно, окажись здесь Сашка. Нет. Вера затылком чувствует, что за ее спиной стоит Платон Георгиевич собственной персоной.

— Пахомов, — слышит Вера властный голос Платона, а в следующую секунду мужчина занимает стул, который официант услужливо придвигает к столику. — Вера, познакомь нас.

— Это Стас, мой друг, — настороженно говорит Вера.

Повернув голову, девушка всматривается в волевое лицо Платона. На кой черт он приперся сюда? Совпадение? Или охрана успевает сообщить? До оговоренного времени, когда нужно ехать к отцу, еще два часа.

Что вообще происходит?!

— Не просто друг, — добавляет Стас и протягивает руку для пожатия. — Мы с Верой давно знакомы.

— Не просто друг, не просто знакомы? — усмехается Пахомов и игнорирует протянутую руку.

Вера чувствует себя крайне неуютно. Прежде они со Стасом сидели напротив друг друга, болтали, смеялись, а теперь заявился Пахомов. Более того. Он занял место почти вплотную к Вере. И теперь кажется, что Стас очень далеко. Будто именно он лишний, а не Платон.

— Да, мы дружим, — натянуто улыбается Стас.

— Значит, Стас…?

— Новиков, — подсказывает парень.

Вера хмурится. От ее внимания не ускользает то, насколько сильно начал нервничать приятель. От расслабленной и уверенной позы не осталось и следа. Под ледяным и уничижающим взглядом Пахомова сложно усидеть на месте.

И будто забавляясь, Пахомов устраивает свою руку на спинку стула Веры.

Черт! Это что вообще значит?!

— Стас Новиков, — задумчиво тянет Пахомов. — Знакомая фамилия. Где-то я ее уже слышал.

— Мой отец занимается строительством, — нехотя отвечает приятель.

— Геннадий Новиков? Как у него дела? — усмехается Платон.

Вера смотрит на друга. Появляется стойкое ощущение, будто Стас совсем не хочет говорить на эту тему.

— Все в порядке, — натянуто отвечает Новиков.

— Слышал, ему грозит срок, — продолжает гнуть свою линию Платон.

— Адвокаты делают все возможное, — отвечает Стас. — Вера, мне нужно бежать. Давай встретимся вечером?

— Маловероятно, — вместо девушки отвечает Пахомов. — Тебе пора, Стас.

Новиков краснеет от возмущения, но молча проглатывает слова Пахомова. Вера уже поднимается на ноги, чтобы попрощаться с другом, обняться, как они обычно это делают.

— Всего хорошего, — Платон ледяным тоном отсекает любые попытки приблизиться к Вере, — передавай привет отцу.

Стас кивает, разворачивается, уходит.

Вера смотрит другу вслед.

И начинает злиться.

— Что это было? Какого черта ты его прогнал? — возмущается Шустер.

— Ты уже сделала заказ? Что у них здесь можно поесть без риска получить гастрит? — интересуется Пахомов.

— Я задала вопрос!

— Я тоже, — парирует Пахомов.

Вера сидит очень близко к мужчине. Ее бедро прижимается к мужскому бедру. А ведь места за столиком предостаточно. Какого черта этот человек прессует ее сейчас?!

— Я не понимаю, что происходит, Платон! — уже чуть тише говорит Вера.

— Геннадий Новиков строит дома, которые не соответствуют нормам и требованиям. Строит их быстро, не качественно. Использует самые дешевые, иногда списанные материалы. Как результат, на стройке погибло шесть человек. И еще один труп нашли замурованным в цементе. Им оказался какой-то чиновник. Подозреваю, что он отказался покрывать бизнес Новикова. Мне продолжить рассказ? — говорит Платон.

Вера слушает насмешливый, слегка высокомерный тон собеседника. Вслушивается в каждое слово, пытается понять, к чему именно он клонит.

— Меня не интересует бизнес этой семейки, — усмехается Пахомов, изучая меню, — меня волнует то, насколько своевременно пацаненок вынырнул. Он уже попросил у тебя денег? Предложил вложиться в старт-ап? С ним ты решила вести дела?

— Я сама разберусь в моей жизни, Платон!

— Возможно. Но пока твой отец получает лечение, я буду присматривать за тобой и деньгами твоей семьи, — рубит Пахомов.

— Тоже хочешь присвоить кусок пирога?

Пахомов бросает на Веру тяжелый взгляд. Отодвигает меню в сторону.

— Зачем мне это?

Вера видит, как густая бровь взлетает вверх. Пахомов садится вполоборота, смотрит на Веру.

— Откуда мне знать! — фыркает девушка. — Банкротство. Неудачная сделка. Да мало ли причин!

— Считаешь, что будь у меня финансовые трудности, я бы предпочел не решать их, а жениться на богатой принцессе? — насмешливо говорит Пахомов.

— Мне почем знать!

— А ты согласилась бы? Представь, что трудности у твоего отца. Ты согласилась бы на договорной брак, чтобы вытащить Степана из долговой ямы? — продолжает интересоваться Пахомов.

— У отца проблемы? Ты ведь не просто так интересуешься?

— Все у него в порядке, насколько я знаю, — хмыкает Платон, — можешь быть спокойна. Ближайшие годы твоей свободе ничего не угрожает.

— Несомненно! Когда я соберусь замуж, это будет мой осознанный выбор, — цедит девушка.

— Угу, — усмехается Пахомов, а Вера все еще зла настолько, что ладонь так и чешется двинуть нахалу в челюсть. — Он определенно не падет на Стаса Новикова.

— Да пошел ты! — вскакивает Вера и смотрит на Пахомова сверху вниз. — Ты мне никто! У тебя нет права указывать мне, с кем дружить!

— Прекрати орать, Вера, — вздыхает Платон.

— Прекрати лезть в мою жизнь!

— Даже не начинал!

— Серьезно? Ты приперся сюда, прогнал Стаса, утром рычал на Сашку. Я же не слепая! И не дура! — все еще кричит Вера.

Пахомов медленно поднимается на ноги. И теперь уже Вере приходится запрокинуть голову, чтобы смотреть в темные, будто почерневшие от недовольства, глаза мужчины.

— Ну, если ты не дура, то…

Вера чувствует жуткое напряжение. Не отступает лишь из упрямства. Однако под пронизывающим взглядом мужчины ей хочется спрятаться.

Пахомов не прикасается к ней, но стоит настолько близко, вплотную, что девушка ощущает его дыхание на своем лице.

— … должна понимать, — продолжает Платон очень тихо, — что я несу ответственность за тебя. И лучше тебе держаться подальше от мутных типов вроде Новикова.

— Иначе что? В угол меня поставишь? — ехидничает Вера. — В доме запрешь? Пристегнешь к кровати наручниками? Я и без того шагу не могу ступить без контроля! Без амбалов твоих!

— Занятные мысли крутятся в твоей голове, девочка, — Вера видит наглую усмешку на волевом лице. — Напомнить, кто в чью спальню вломился?

— Да это шутка была! Ты же не думаешь, что я всерьез заинтересуюсь тобой, Пахомов? — максимально насмешливо парирует Вера.

Она пытается игнорировать полыхающие щеки и то, что Платон нависает над ней. Давит на нее морально и физически. Да что уж! Вере кажется, что он вот-вот припечатает ее к стене.

— Почему нет?

Этот вопрос застигает девушку врасплох. Вера судорожно пытается придумать достойный ответ. Он ведь должен быть. Как должна быть и причина, почему ей не интересен Платон Георгиевич Пахомов.

— Потому что! — резко выдыхает Вера.

— Мда, достойная причина, согласен, — вновь заламывает бровь Платон.

— Ты…

Вера захлебывается от возмущения. Какого черта он говорит с ней в таком насмешливом и снисходительном тоне?!

Шустер действует импульсивно и необдуманно. Эмоции кипят. А здравый смысл благополучно исчезает. Веру задевает то, что она видит во взгляде Пахомова издевку. Он не воспринимает ее взрослой женщиной. Для него она все еще девчонка.

Обида топит разум. Вера вскидывает ладонь.

Мелькает мысль, что не стоит этого делать. Нужно промолчать, а лучше — просто уйти.

Однако Вера обо всем этом думает, спустя секунду. Когда на щеке Платона расплывается алое пятно, а ее собственная ладонь горит огнем от соприкосновения с мужским лицом.

— Живо в машину, Вера! — цедит Пахомов.

Вера видит, как насмешка в глазах мужчины молниеносно превращается в ярость.

— В мою машину! — рявкает Платон и отворачивается от нее.

Вера торопливо подхватывает сумочку. Ноги держат с трудом. Затылок сверлит убийственный взгляд. А внутри — все трепещет от страха.

— Черт! — ругается девушка шепотом.

Водитель распахивает дверь автомобиля. Вера послушно занимает предложенное место. После уже понимает, что села Шустер не в свою машину, а к Платону.

Дверь с другой стороны тоже распахивается. Пахомов оказывается на диване рядом.

Отдает распоряжение водителю. Вера молчит все это время. Пытается найти подходящие слова. И чего она вспылила? Могла бы просто не замечать всего этого.

— Послушай…, — начинает Вера, но вместо ответа Пахомов нажимает на какую-то кнопку, и панель, ограждающая передние кресла о задние места, поднимается. — Я не хотела тебя бить.

— А я хочу придушить тебя, Вера! — цедит Платон.

Вера вжимается спиной в кожаный диван. Но отстраниться от Пахомова на достаточное расстояние не получается.

Мужчина смотрит в ее лицо, прищурившись. Из глаз сыплются колючие молнии. Кажется, Вере дышать сложно.

Платон резко выбрасывает руку вперед, обхватывает тонкие запястье Веры и тут же, моментально, дергает Веру на себя.

Сил у Шустер не хватает, потому она, как тряпичная кукла, влетает в мужские объятия.

Пахомов не произносит ни звука. Стремительно вплетает пальцы в волосы на затылке Веры. Тянет вверх, заставив девушку смотреть в его глаза.

— Нет.., — вяло сопротивляется Вера.

Пахомов сметает ее сопротивление так же быстро. Вера пытается отстраниться. Давит ладонями в мужскую грудь. Упирается. Старается повернуть голову, чтобы избежать контакта.

Первый поцелуй настигает Веру. Мысленно она уже готова к нему. Но по факту — совсем не готова. Она ждет властного натиска. А получает — влажное скольжение твердых губ по щеке к уголку рта.

Она теряется. Платон ведь должен быть в ярости. Она же ударила его на глазах у клиентов и персонала ресторана!

Твердые губы Пахомова прижимаются вплотную к ее губам. Требовательно раздвигают, заставляют впустить язык.

Вера задыхается от неожиданности. От похожего на взрыв осознания: она ведь тоже хочет ощутить вкус губ этого нахала.

Что странно! Вера же никогда и мысли не допускала. Не думала о Платоне, как о мужчине.

Нет, думала, конечно. Но не в этом смысле!

Пока в голове у Веры царит бардак и хаос, ее руки вдруг оказываются на мужском затылке. А поцелуй становится с каждой секундой все глубже, он затягивает Веру в свои сети. Твердые губы сминают ее, будто Платон собирается съесть ее саму.

Вера сдается. Ее ведь никто прежде не целовал вот так, яростно, отчаянно жадно, неистово.

Так, будто этот первый поцелуй станет и последним.

— Не вздумай с ним встречаться!

Вера не сразу понимает, что именно говорит ей Платон прямо в губы. Она чувствует мужские пальцы на своем подбородке. А бедром — металл пряжки ремня, что врезается через ткань одежды.

И не только ремень чувствует Вера. Кое-что твердое, словно камень, недвусмысленно упирается в нее.

— Мы оба знаем, Вера, что ты тоже хочешь меня.

— И не мечтай!

— Не заставляй лезть в твои трусы, девочка! — Пахомов усмехается.

Шустер ловит волну мурашек, которая рождается от того, что Платон трется щекой о ее шею.

— Мы вернемся к этому разговору, — обещает Пахомов и возвращает Веру обратно, на место рядом с собой. — Приехали. И не вздумай проболтаться отцу.

— Боишься его? — дерзко вскидывает Вера подбородок. Вот только голос все еще дрожит, как и ладони, как и каждая клеточка в ее возбужденном теле.

— Не хочу огорчать правдой о том, что его единственная дочь едва не переспала со взрослым мужиком в тачке, — усмехается Пахомов.

***

ГЛАВА 5

— Степану Мирославовичу противопоказан любой стресс, — говорит врач.

Вера внимательно слушает все, что говорит доктор. Девушка до конца не понимает, какой именно диагноз у отца. Медицинские термины пугают Веру. Ей кажется, что главврач клиники, в которой проходит обследование отец, разъясняется на непонятном языке.

Хорошо, что профессор Зигунов Кирилл Рудольфович давний друг отца еще со школьных времен. И Вера может смело довериться доктору. Вот только яснее ситуация не становится.

Пахомов стоит, игнорируя предложенное кресло. Вера, наоборот, чувствует в ногах слабость, потому падает в него.

Платон невозмутим и собран. Вера вообще дико завидует его выдержке и хладнокровию.

С другой стороны, кто сказал, что Пахомов переживает за здоровье отца? Вера уже сомневается в том, что этот мужчина способен на проявление каких-либо эмоций. Ведь отец Веры для Пахомова всего лишь друг и партнер по бизнесу, даже не кровный родственник.

— Посещения разрешены? — тем временем интересуется Платон.

— Да, конечно. Однако любые волнения исключены. Никакого негатива или плохих новостей, — кивает врач. — Я провожу вас в палату.

Вера послушно встает из кресла. Хорошо, что Пахомов придерживает ее за локоть. Ноги немного ватные. Девушка взволнована, ведь она давно не разговаривала отцом вот так, вживую. А сейчас боится увидеть в таком состоянии, на больничной койке.

Веру и Платона провожают на тринадцатый этаж. Девушка невольно ежится от такого несчастливого числа. Шустер не суеверна, просто эта неизвестность слегка пугает. Еще и цифра эта чертова!

Врач распахивает двери частной палаты.

— Степан Мирославович! А я к тебе привел гостей! — сообщает доктор и пропускает Веру и Пахомова вперед.

— Жду вас с самого утра! — улыбается отец.

Вера торопливо подлетает к родителю, обнимает, прижимается щекой к хлопковой рубашке.

— Папочка! — выдыхает девушка.

— Как же я рад, что ты приехала, доченька, — слышит Вера голос отца.

— Разве могло быть иначе? — улыбается Вера. — Как ты? Как твое самочувствие?

— Да что со мной станет? — машет рукой папа, однако Вера замечает, как сильно изменился он с их последней встречи вживую. — Расскажи лучше, как ты? Как долетела? Изменилась так, не узнать просто! Красавицей стала. Платон, подтверди!

Вера украдкой оглядывается на Пахомова. Мужчина, расстегнув пиджак, занимает место у окна. Вновь игнорирует стул, кресло, диван. Не сидится ему, елки-палки! Веру это немного раздражает, потому что кажется, будто Пахомов смотрит на нее свысока.

Впрочем, не кажется. Так оно и есть.

Убрав руки в карманы брюк, Пахомов стоит почти неподвижно. Своей высокой и широкоплечей фигурой он закрывает почти весь оконный проем. Наверное, по этой причине, из-за недостатка света в палате Вере кажется, будто взгляд у Платона точной такой же, как и тогда, в машине. Либо это просто причудливая игра воображения Веры. Но что-то в глазах Пахомова заставляет ее отвернуться и трусливо спрятать лицо на груди у отца.

— Подтверждаю, — произносит Пахомов.

Хорошо, что Вера не смотрит на Платона. Ей достаточно и его голоса, чтобы смутиться. До сих пор не верится, что Пахомов ее поцеловал.

Вера украдкой переводит дыхание. Не время сейчас думать о том, что произошло в машине. А особенно — о мотивах Пахомова. О причинах, по которым он полез к ней целоваться.

— Папа, когда тебя выпишут? — Вера поправляет плед, которым укрыт отец. В палате не холодно, но отец почему-то укутан, будто его знобит.

— Вредный докторишка настаивает, чтобы я здесь торчал как можно дольше, — кривится отец.

— Ты мне, Степа, потом еще спасибо скажешь, — отзывается врач и демонстративно смотрит на часы. — К сожалению, через двадцать минут у нас по графику лечебные процедуры. Потому, дорогие мои, время ограничено. Мне нужно сделать телефонный звонок, а после я провожу вас к выходу.

— Но мы ведь только пришли! — невольно возмущается Вера, когда Зигун выходит из палаты.

— Не спорь с ним, дочка, — утешает отец, обнимая Веру, — это бесполезно.

— Возможно, стоит рассмотреть другие варианты? Есть не менее достойные учреждения и специалисты, — вмешивается Пахомов. — Уверен, независимое заключение не повредит.

— Что ты, Платоша! — посмеивается папа. — Лучше этого старого брюзги не найти кардиолога.

— Привлечем зарубежных специалистов, — не сдается Пахомов.

— Я доверяю Кирюхе. Он многих безнадежных пациентов поставил на ноги, — возражает отец. — Ладно, ребята, завтра буду вас ждать. На сегодня у меня каждая минута расписана. Клизмы, прочие процедуры.

— Папа! — фыркает Вера, а ведь уходить не хочется.

Шустер очень скучает без отца. Нет, с мамой у нее очень хорошие отношения. Но и отца ей не хватает.

— Я очень скучаю, — негромко говорит Вера, — выздоравливай скорее!

— Постараюсь, — обещает папа, жмет руку Пахомову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.